

необходимо. Напротив, идея вертикальной крестьянской кооперации предусматривает создание крупных производственных хозяйств и их расширение по мере развития сельскохозяйственного производства. Вопрос состоит в комбинированном развитии взаимосвязанных больших и малых предприятий. Он предусматривает как сохранение преимуществ трудового крестьянского хозяйства, так и создание достаточно крупных сельскохозяйственных предприятий. Сам кооператив «является дополнением к самостоятельному крестьянскому хозяйству, обслуживает его и без такого хозяйства не имеет смысла». Но он не затрагивает его самостоятельности и не изменяет его сущности.

А.В. Чаянов подчеркивал значительную продолжительность процесса кооперирования, в ходе которого преобразуется весь строй крестьянских хозяйств. Процесс кооперирования существенным образом влияет на структуру крестьянского хозяйства. Даже частичное кооперирование заставляет мелкого производителя изменять организационный план своего хозяйства, ведет к перестройке хозяйственных процессов в соответствии с организацией кооперативного сбыта и переработки, предполагает внедрение улучшенной техники. При одновременном развитии широкой сети перерабатывающих производств, инфраструктуры, кооперативного кредита, при нарастании элементов обобществления «вся система качественно перерождается из системы крестьянских хозяйств, в систему общественного кооперативного хозяйства».

Изучение внутренней структуры отдельного крестьянского хозяйства, выявление возможности и эффективности кооперирования отдельных отраслей и операций при сохранении в качестве основы сельскохозяйственного производства независимого самостоятельного производителя, собственника имеет большое значение для развития современной экономики.

1. Чаянов, А.В. Краткий курс кооперации / А.В. Чаянов. – М., 1925. – 15 с.
2. Чаянов, А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации / А.В. Чаянов. – М., 1991. – 32 с.

Медиченко Л.Е. (Брестский государственный технический университет)

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СРЕДСТВА ПОЛИТИКИ В СССР

Рассмотрение массовой культуры как средства политики в СССР имеет огромное значение и для современности: именно с помощью особой культуры жизни, особого искусства и было создано Советское государство. Большевикам, после прихода к власти требовалось обратиться к себе массы. Поэтому практически сразу после победы Октября большевики приступили к революции культурной, программа которой была выдвинута В. И. Лениным. Она предусматривала создание под руководством партии предпосылок для решения таких задач, как внедрение новой системы управления, новой организации труда, быта, новой морали. Так как народ был далёк от элитарной культуры, развитой в Российской империи, то большевики стали активно развивать новую советскую массовую культуру, доступную всем. Это была культура, которая в своей основе отражала процесс слияния искусства и политики, решала задачи, поставленные временем, заменяла собой традиционные формы народной культуры.

Вслед за известным исследователем массовой культуры А.Я Флиером [1, с. 138], выделившим основные проявления и направления массовой культуры, хотелось бы подчеркнуть, преобладающие, на наш взгляд, формы функционирования массовой культуры в СССР: массовая общеобразовательная школа; система национальной (государственной) идеологии; массовая социальная мифология, упрощающая сложную систему ценностных ориентаций человека и многообразие оттенков миропонимания до элементарных, дуалистичных оппозиций; массовая художественная культура, массовые постановочно-зрелищные представления, профессиональный спорт.

Анализируя феномен советской массовой культуры как особого социокультурного явления, необходимо указать ее основные характеристики. Это, прежде всего, ориентация на формирование гомогенной аудитории – советский народ – как субъект новой советской культуры. Советская массовая культура была ориентирована на иррациональное, бессознательное, коллективное. Еще Карл Юнг в своих работах отмечал, что основой массовой культуры является символическое образование. Роль символа, по его мнению, заключается в том, чтобы способствовать сублимации энергии бессознательных сфер психики, т.е. направлению ее в объективную реальность. Согласно Юнгу, базовыми в понимании массовой культуры являются следующие компоненты. Во-первых, ее восприятие как компенсаторного явления, восполняющего утраченную целостность человеческой природы. Во-вторых, понимание бессознательной основы массовой культуры. В-третьих, понимание мифотворческого предназначения массовой культуры [2, с. 57]. Советское массовое искусство не стремилось учитывать ни общечеловеческих, ни национальных, ни природных особенностей жизни народов, населявших Российскую империю. Оно было ангажировано строгим режимом, подчинялось ему и функционировало как художественное отображение общественной жизни, в которую включалось и ее идейное содержание. «Отсюда застой, омертвление, – писал А.Л. Андреев. – В таких условиях деятельность художника теряет характер открытия и превращается, по существу, в бесстрастное варьирование канонических тем, сюжетов, композиционно-пластических решений. Из искусства уходит трепетное дыхание жизни, и оно вырождается в холодный, бездушный академизм» [3, с. 6]. Такое искусство способствовало формированию идеологизированного человека с идеологизированным сознанием, которого стали называть «гомо советикус». Сознание такого человека было притуплено браваурными маршами и оптимистическими песнями, лакированной красотой на экранах кино, полотнах художников, на огромных фресках и стендах.

Для массовой культуры, как заметили культурологи, очень свойственно повторение сюжетов, идей и образов. А повторяемость – это свойство мифа. Мифология, в свою очередь, фиксирует в концентрированном виде коллективное бессознательное. Следовательно, массовая культура тем или иным образом ориентируется на архетипы коллективного бессознательного. Советская мифология много поработала над образами своих героев: В.И. Ленин, И. Сталин, М. Будённый, Павлик Морозов. В Советском Союзе создавалась практика использования идеологических возможностей массовой культуры по формированию ценностных ориентаций в сознании населения. Десятилетиями в общественном сознании официальной наукой укоренились различные мифы. Они широко пропагандировались в масштабе всей страны и поддерживались наглядностью модели советской массовой культуры. Так, в бесчисленном количестве изготавливались памятники маршалам, героям, сталиерам и колхозникам, демонстрирующие изобилие и небывалые успехи

хи советского строя. Эталоном соответствующего ему стиля всегда была фреска «всенародного процветания». Такими же идеологически-пропагандистскими были и национальные варианты в официальном советском изобразительном искусстве, где сходства между национальными вариантами такого «искусства» было больше, чем различий. Даже атрибутика сталинско-брежневских времен до мелких деталей была всюду одинакова. Люди привыкли не различать памятников, с безразличием взирали на почти одинаковые фигуры вождей в Москве и Ташкенте, Риге и Минске, не верили текстам на плакатах, которые были абсолютно одинаковы во всех национальных республиках, областях, краях, национальных округах.

Другая, не менее значимая характеристика массовой культуры – эскейпизм, т.е. бегство от реальности в мир фантазий и грёз. Эту черту отмечают многие исследователи. Так, в частности, В.П. Шестаков считает, что именно благодаря эскейпизму массовая культура осуществляет подмену, или, выражаясь языком психоанализа, компенсацию реальности миром обманчивых и утешительных иллюзий [4, с. 124]. Немаловажную роль здесь сыграл советский кинематограф. Достаточно вспомнить по-своему талантливый и любимый нами фильм «Кубанские казаки». Там есть одна из очень примечательных сцен – изобилие товаров на колхозной ярмарке. По воспоминаниям создателей фильма, в тот период даже на Кубани не нашлось столько продуктов, чтобы показать кинематографическую картинку «советского изобилия». Поэтому, все то, что мы видим на экране, – это муляжи продуктов (так и хочется сказать «муляжи советского изобилия»). Но, тем не менее, это была очень убедительная реализация мечты о светлом будущем.

Как особую категорию следует выделить так называемые «культовые» произведения. Их главная особенность заключается в том, что они очень глубоко проникают в массовое сознание и приобретают достаточную степень устойчивости. Достаточно вспомнить, сколько анекдотов породила кинозвезда «Чапаев». А книга «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, ставшая культовым произведением советской социальной сатиры, прочно вошла в сознание масс бесчисленным количеством цитат и афоризмов. Фильм «Подвиг разведчика» и первый художественный сериал «Семнадцать мгновений весны» уже несколько десятилетий являются своеобразными видео-гимнами советской военной разведки, а исполнители главных ролей – П. Кадочников и В. Тихонов в сознании народа всегда будут «нашими советскими героями-разведчиками».

Таким образом, хотелось бы подчеркнуть, что в СССР массовая культура отражала процесс слияния искусства и политики. Отстаивая определенные мировоззренческие идеалы, прямо или косвенно отражая общественные процессы в конкретную историческую эпоху, советская массовая культура и искусство вовлеклось в сферу политики. При этом советская массовая культура рассматривается как особый тип культуры, возникший в результате процессов индустриализации и урбанизации и заменившей собой традиционные формы народной культуры.

Под влиянием советской массовой культуры формировалась и изменялась система ценностей. Теория и практика партийности советского искусства и культуры стала реализацией всеохватывающего партийно-государственного контроля над духовной жизнью общества с целью внедрения в массовое сознание единственной унифицированной идеологии. Основная задача такой идеологии – формирование у людей такого типа стандартизированного сознания, которое заставляет их в жизненно важных для общества ситуациях поступать одинаково и так, как это желательно правящей партии. Во многих про-

изведениях советской массовой культуры предлагались готовые ответы на то, что происходит в социокультурном пространстве вокруг индивида, а это способствовало формированию пассивного восприятия действительности. В большинстве своем советская массовая культура, оказывая влияние на общественное сознание, основывалась не на образах, ориентированных на реальность, а на системе имиджей, воздействующих на бессознательную сферу человеческой психики, что в трудах исследователей феномена массовой культуры трактуется как предельное выражение духовной несвободы, социальный механизм отчуждения и угнетения личности человека.

1. Флиер, А.Я. Массовая культура и её социальные функции / А.Я. Флиер // ОНС. Общественные науки и современность. – М., 1998. – № 6. – С. 120–129.
2. Маркова, Г.И. Массовая культура: содержание и социальные функции / Г.И.Маркова // Искусство. – 2008. – № 7. – С. 54–60.
3. Андреев, А.Л. Мир искусства и мир политики / А.Л. Андреев. – М.: Знание, 1990.
4. Шестаков, В.П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры» / В.П. Шестаков – М.: Искусство, 1988.

Меньковский В.И. (Белорусский государственный университет)

СССР КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Двадцать лет назад прекратил существование Советский Союз. Завершилась история государства, которое задумывалось как государство принципиально нового типа, целью которого провозглашалось его превращение во «всемирный союз советских социалистических республик». Лозунги и декларации первых лет советской власти постепенно трансформировались, с течением времени СССР во все большей степени приобретал черты «обычной» (для классической политологии) страны. Однако степень этой «обычности» была и остается предметом научных дискуссий. Во многом именно отношение к феномену СССР определяет и позицию исследователей по отношению к факту распада Советского Союза.

Комплекс социальных, политических, экономических, культурных трансформаций, сопровождавших период прекращения существования СССР и становления новой «постсоветской» истории, привел к изменению всех сторон жизни новых независимых государств. Предметом нашего анализа является лишь один аспект этих кардинальных изменений, связанный с состоянием «постсоветской» исторической науки и ее рефлексией на факт исчезновения единого государства.

В белорусской историографии уже делались попытки анализа научной и мемуарной литературы, отражающей историю кризиса и распада СССР. В первую очередь обратим внимание на справочно-библиографические пособия «Современная историография новейшей истории России и истории СССР», «Современная российская историография» и учебное пособие «История России. XX век» [1, 2, 3].

Авторы отмечали, что в постсоветской историографии тема перестройки и распада Советского Союза не является приоритетной. Однако постепенно изучается и недавнее прошлое. Прежде всего, накапливаются и систематизируются фактические данные.

Важной группой источников являются политические мемуары. Политики, поддерживающие «перестройку» (М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев, Н.И. Рыжков, Э.А. Шеварднадзе и др.),